«БЕЛЛЕТРИСТЫ
СОВѢТСКОЙ РОССІИ»
№ 1

*М. ЗОЩЕНКО*

# ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ"
ПАРИЖЪ
1926

*М. ЗОЩЕНКО.*

# ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО**
**«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ»**
**ПАРИЖЪ**
**1926**

# ЖЕНИХЪ.

На-дняхъ женился Егорка Басовъ. Взялъ онъ бабу себѣ здоровую, мордастую, пудовъ на пять вѣсомъ. Вообще, повезло человѣку.

Передъ тѣмъ Егорка Басовъ три года ходилъ вдовцомъ — никто не шелъ за него. А сватался Егорка чуть не къ каждой. Даже къ хромой солдаткѣ изъ «Мѣстечка». Да дѣло разстроилось изъ-за пустяковъ.

Объ этомъ сватовствѣ Егорка Басовъ любилъ поговорить. При этомъ вралъ онъ неимовѣрно, всякій разъ сообщая все новыя и удивительныя подробности.

Всѣ мужики наизусть знали эту исторію, но при всякомъ удобномъ случаѣ упрашивали Егорку разсказать сначала, заранѣе давясь отъ смѣха.

— Такъ какъ же ты, Егорка, сватался-то?—спрашивали мужики, подмигивая.

— Да такъ ужъ, — говорилъ Егорка, — обмишурился.

— Заторопился, что ли?

— Заторопился, — говорилъ Егорка. — Время было, конечно, горячее — тутъ и косить, тутъ и носить, и хлѣбъ сбирать. А тутъ, братцы мои,

помираетъ моя баба. Сегодня она, скажемъ, свалилась, а завтра ей хуже. Мечется и бредитъ, и съ печки падаетъ.

— Ну, — говорю я ей, — спасибо, Катерина Васильевна, безъ ножа вы меня рѣжете. Не вовремя помирать рѣшили. Потерпите, говорю, до осени, а осенью помирайте.

А она отмахивается.

Ну, позвалъ я, конечно, лекаря. За пудъ овса. Лекарь пересыпалъ овесъ въ свой мѣшокъ и говоритъ:

— Медицина, — говоритъ, — безсильна что-либо предпринять. Не иначе, какъ помираетъ ваша бабочка.

— Отъ какой же, — спрашиваю, — болѣзни. Извините за нескромный вопросъ.

— Это, — говоритъ, — медицинѣ, опять-таки, неизвѣстно.

Далъ, все-таки, лекарь порошки и уѣхалъ.

Положили мы порошки за образа — не помогаетъ. Брендитъ баба и мечется, и съ печки падаетъ. И къ ночи помираетъ.

Взвылъ я, конечно. Время, думаю, горячее — тутъ и носить, тутъ и косить, а безъ бабы немыслимо. Чего дѣлать — неизвѣстно. А еже-

ли, напримѣръ, жениться, то, опять-таки, на комъ это жениться? Которая можетъ быть и пошла, да не ловко ей наспѣхъ. А мнѣ требуется наспѣхъ.

Заложилъ я лошадь, надѣлъ новые штаны, ноги вымылъ и поѣхалъ.

Пріѣзжаю въ «Мѣстечко». Хожу по знакомымъ. — Время, — говорю, — горячее, разговаривать много не приходится, нѣтъ ли, говорю, какой ни на есть захудалой бабочки, хотя бы слѣпенькой. Интересуюсь, говорю, женитьбой.

— Есть, — говорятъ, — конечно, но время горячее, бракомъ никто не интересуется. Сходите, говорятъ, къ Анисьѣ, къ солдаткѣ, можетъ ту обломаете.

Вотъ я и пошелъ.

Прихожу. Смотрю — сидитъ на сундукѣ баба и ногу чешетъ.

— Здравствуйте, — говорю. — Перестаньте, говорю, чесать ногу — дѣло есть.

— Это, — отвѣчаетъ, — одно другому не мѣшаетъ.

— Ну, говорю, — время горячее, спорить съ вами много не приходится — вы да я — насъ двое — третьяго не требуется, окрутимся, говорю, и завтра выходите на работу сно-

пы вязать.

— Можно, — говоритъ, если вы мной интересуетесь.

Посмотрѣлъ я на нее. Вижу — бабочка ничего, что надо, плотная и работать можетъ.

— Да,— говорю, интересуюсь, конечно. Но, говорю, отвѣтьте мнѣ, все равно какъ на анкету, сколько вамъ лѣтъ отъ роду?

— А лѣтъ, — отвѣчаетъ, — не такъ много, какъ кажется. Лѣта мои не считаны. А годъ рожденія, сказать — не соврать, одна тыща восемьсотъ восемьдесятъ шестой.

— Ну, — говорю, — время горячее, долго считать не приходится. Ежели не врете, то ладно.

— Нѣтъ, — говоритъ, — не вру, за вранье Богъ наказываетъ. Собираться, что ли?

— Да, говорю, — собирайтесь. А много ли имѣете вещичекъ?

— Вещичекъ, — говоритъ, — не такъ много: дыра въ карманѣ, да вошь на арканѣ. Сундучекъ да перина.

Взяли мы сундучекъ и перину на телѣгу. Прихватилъ я еще горшокъ и два полѣна, и поѣхали.

Я гоню лошадь, тороплюсь, а бабочка моя на сундучкѣ трясется и

планы рѣшаетъ — какъ жить будетъ, да чего ей стряпать, да не мѣшало бы, дескать, въ баньку сходить — три года не хожено.

Наконецъ, прiѣхали.

— Вылѣзайте, — говорю.

Вылѣзаетъ бабочка съ телѣги. Да, смотрю, какъ-то не интересно вылѣзаетъ — бокомъ и вродѣ бы хромаетъ на обѣ ноги. Фу ты, думаю, глупость какая!

— Что вы, — говорю, — бабочка, вродѣ вы хромаете?

— Да нѣтъ, — говоритъ, это я такъ, кокетничаю.

— Да какъ же, помилуйте такъ? Дѣло это серьезное, ежели хромаете. Мнѣ, говорю, въ хозяйствѣ хромать не требуется.

— Да нѣтъ, — говоритъ, — это маленько на лѣвую ногу. Полвершка, говоритъ, всего и нехватка.

— Полъ, — говорю, — вершка или вершокъ это, говорю, не рѣчь. Время, говорю, горячее, — мѣрить не приходится. Но, говорю, это не мыслимо. Это и воду понесете — расплескаете. Извините, говорю, обмишурился.

— Нѣтъ, говоритъ, — дѣло заметано.

— Нѣтъ, — говорю, — не могу.

Все, говорю, подходитъ: и мордо-воротъ вашъ мнѣ нравится и лѣта — одна тыща восемьсотъ восемьдесятъ шесть, но не могу.. Извините — промигалъ ногу.

Стала тутъ бабочка кричать и матюкаться, драться, конечно, полезла, не безъ того. А я, тѣмъ временемъ, выношу полегоньку имущество на дворъ..

Съѣздила она меня разъ или два по мордѣ — не считалъ, а послѣ и говоритъ.

— Ну, — говоритъ, — стручокъ, твое счастье, что замѣтилъ. Вези, говоритъ, назадъ.

Сѣли мы въ телѣгу и поѣхали. Только не доѣхали, можетъ, семи верстъ, какъ взяла меня ужасная злоба.

— Время, думаю, горячее, разговаривать много не приходится, а тутъ извольте развозить невѣстъ по домамъ.

Скинулъ я съ телѣги ейное имущество и гляжу, что будетъ. А бабочка не усидѣла и за имуществомъ спрыгнула. А я повернулъ кобылку и къ лѣсу.

А на этомъ дѣло кончилось.

Какъ она домой дошла съ сунду-

комъ и съ периной, мнѣ неизвѣстно. А только дошла. И черезъ годъ замужъ вышла. И теперь на сносяхъ.

---

## ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Бывшій швейцаръ Ефимъ Щуркинъ два года мотался по всѣмъ учрежденіямъ — искалъ службу. И, наконецъ, нашелъ по своей спеціальности.

Устроилъ ему мѣсто родной племянникъ Мишка Гусевъ. Ефимъ Щуркинъ въ свое время его по щекамъ билъ и за уши рвалъ, а теперь это шишка, не переплюнешь.

Очень интересно Щуркину было разговаривать съ Мишкой. Сидѣлъ Мишка въ кабинетѣ и курилъ папиросски. А Щуркинъ стоялъ возлѣ и, пытаясь разговаривать съ легкостью, почтительно кланялся.

Но легкій разговоръ не удавался. Мишка Гусевъ велъ себя строго и официально и для солидности не выпускалъ даже пера изъ рукъ.

— Чтожъ, товарищъ дядя, — говорилъ Мишка строгимъ голосомъ, — валяйте, устраивайтесь. Мѣсто это легкое, нетрудное. А которые люди думаютъ, что эта должность унижаетъ человѣческое достоинство, то напротивъ того... Смотря какъ держать себя...

— Я держать себя знаю, — уныло

сказалъ Щуркинъ. — Я пятнадцать лѣтъ въ швейцарахъ былъ...

— Это не разговоръ, — нахмурился Мишка. — Что было, то забудьте. Вы какъ есть бывшій швейцаръ должны знать, что теперя не та механика... И глядите, товарищъ дядя, чтобъ на чай не брать. И почтительность чтобъ не распущать какъ раньше. Конечно, это не то, чтобъ по рожѣ людей бить, но достоинство свое не унижайте и соотвѣтствуйте своему назначенію.

— Ты меня не учи, — сказалъ Щуркинъ, — я самъ знаю свое достоинство.

— А если такъ, то валяйте, товарищъ дядя, — приступайте къ своимъ обязанностямъ.

Мишка обмакнулъ перо въ чернильницу, желая этимъ показать, что аудіенція кончена.

Щуркину хотѣлось еще поговорить кое о чемъ такимъ же строгимъ офиціальнымъ тономъ, но онъ не посмѣлъ и, кашлянувъ, вышелъ изъ кабинета, осторожно ступая на носки.

А на другой день Ефимъ Щуркинъ приступилъ къ своимъ обязанностямъ.

Онъ вычистилъ кирпичомъ двер-

ныя ручки, обтеръ сырой тряпкой зашарканную лѣстницу и, мрачно посмѣиваясь въ усы, присѣлъ на табуретъ подлѣ дверей.

— Ладно, — думалъ Щуркинъ про своего племянника, — молодой, а учить меня вздумалъ. Достоинство, говоритъ, не потеряй. А я самъ знаю свое достоинство. Я, товарищъ Мишка Гусевъ, никому не позволю себя учить. А которые можетъ думаютъ, что двери имъ настежь открывать буду — забудьте... Я свое достоинство наобумъ знаю. Оставьте безпокоиться, товарищъ Мишка...

Четырехъ часовъ Ефимъ Щуркинъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Въ четыре часа служащіе кончали работу.

— Ладно ужъ, выходи, — бормоталъ Щуркинъ. — Выходи, кончай работу. По рожѣ мы васъ бить не станемъ, но унизить не допустимъ... И принялся читать.

Служащіе сначала выходили по одному.

— Выходи, выходи, — бормоталъ Щуркинъ, подмигивая, — жди, что двери открою, ожидай кукишъ съ масломъ...

Служащіе съ удивленіемъ смотрѣли на развалившуюся фигуру и осто-

рожно обходили протянутыя щуркинскія ноги. Одинъ изъ служащихъ, слегка сподкнувшись, извинился и шмыгнулъ въ дверь.

— Извиняются, — радостно подумалъ Щуркинъ. — А небось раньше бы въ рожу далъ. Будетъ, прошло времячко.

Служащіе выходили все гуще, мелькали передъ щуркинскими глазами, хлопали тяжелой дверью.

— Мелькай, мелькай, — бормоталъ Щуркинъ. — Это ваше дѣло мелькать... Устраивай сквозняки. Простужай человѣка. Унижай личность...

Какой-то служащій, перешагнувъ черезъ ноги Ефима Щуркина, вышелъ на улицу, не прикрывъ за собой дверь.

— Двери! — заоралъ Щуркинъ, выбѣгая вслѣдъ за служащимъ. — Двери закрывай! Тутъ вамъ нѣтъ горничныхъ. Чортъ собачій.

Служащій испуганно обернулся и, покорно закрывъ двери, пошелъ дальше, съ безпокойствомъ оглядываясь назадъ.

— Такъ его, — весело смѣялся Щуркинъ.

Маленькая дѣвица - машинистка, наряженная обезьяной, подошла къ двери и осторожно потрогала ее

пальцемъ, пытаясь открыть. Дверь не поддавалась.

— Обожди, — сказалъ Щуркинъ, прижимая дверь ногой. — Обожди тутъ. Наберется партія въ десять человѣкъ — пущу тогда.

У дѣвицы отъ обиды задрожалъ подбородокъ, и Щуркинъ, боясь, что она заплачетъ, нехотя выпустилъ ее.

— Надо будетъ записку присобачить къ дверямъ, — подумалъ Щуркинъ, — дескать, такъ и такъ — выходить партіями.

Щуркинъ пошелъ въ свою коморку и, доставъ бумагу, принялся выводить:

«Выходить партіями. По 10 персонъ». Привратникъ Ефимъ Щуркинъ».

Однако, записку эту Щуркину не удалось присобачить къ дверямъ. Онъ былъ вызванъ къ Мишкѣ Гусеву.

Мишка Гусевъ долго Щуркина не задерживалъ. Онъ далъ ему денегъ и строгимъ официальнымъ тономъ приказалъ ѣхать въ деревню.

Щуркину хотѣлось поговорить на официальныя темы, но онъ снова не посмѣлъ и, вернувшись къ себѣ, принялся собирать свои вещи, бросая ихъ въ мѣшокъ и сплевывая отъ обиды туда же.

## ФОМА НЕВѢРНЫЙ.

Фома Крюковъ три года не получалъ отъ сына писемъ, а тутъ извольте — получайте, Фома Васильевичъ, изъ города Москвы, отъ родного сына, пять цѣлковыхъ золотомъ.

— Ишь ты, — думалъ Фома, разсматривая полученную повѣстку. — Другой бы сынъ, небось, три рубля отвалилъ бы и хватитъ. А тутъ, извольте, такъ — здорово живешь — пять цѣлковыхъ. При такомъ оборотѣ дѣла рубль и пропить можно.

Фома Крюковъ, попарился въ банѣ, надѣлъ чистую рубаху, выпилъ полбутылки самогону, заложилъ лошадь и поѣхалъ на почту.

Выѣхалъ Фома изъ деревни. Ѣдетъ полемъ. И ужасно ему стало весело. Солнце поблескиваетъ, трава малюсенькая изъ земли выпираетъ. А въ животѣ прелестно — самогонъ поигрываетъ. Ѣдетъ Фома и пѣсни поетъ.

Доѣхалъ до лѣса, бросилъ пѣсни, думать сталъ.

— Ишь ты, — думаетъ, — какое случилось - приключилось! Пять цѣлковыхъ денегъ. И чего только на свѣтѣ не происходитъ? Батюш-

ки свѣты! Царей нѣту, ничего такого нѣту, а мужики вродѣ какъ въ силѣ. По пять цѣлковыхъ денегъ получаютъ. Сынъ-то, можетъ, державой правитъ, хотя и мужикъ. Отцу деньги отваливаетъ. Чего только на свѣтѣ не происходитъ! А можетъ и врутъ люди. Можетъ сынъ въ номерныхъ служитъ, въ гостиницѣ. Ой, врутъ люди!

Фома прiѣхалъ на почту, подошелъ къ прилавку и вытащилъ изъ шапки извѣщенiе.

— Деньги, — сказалъ Фома, — деньги бы мнѣ получить отъ сына изъ города Москвы.

Кассиръ съ подвязаннымъ глазомъ порылся въ сундучкѣ и выложилъ на прилавокъ цвѣтную бумажку.

— Такъ, — сказалъ Фома. — А письма-то мнѣ сынъ не пишетъ?

Кассиръ ничего не отвѣтилъ и отошелъ отъ прилавка.

— Не пишетъ, — подумалъ Фома, съ сожалѣнiемъ. — Можетъ, послѣ напишетъ. Пущай ужъ послѣ. Можно ждать, если, скажемъ, есть деньги.

Фома взялъ деньги, посмотрѣлъ съ удивленiемъ и вдругъ стукнулъ ладошкой по прилавку.

— Эй, дядя! — закричалъ Фома.

— Каки деньги суешь-то, гляди?!

— Какіе деньги, — спросилъ кассиръ, — новые деньги.

— Новые? — переспросилъ Фома. — А, можетъ, они это самое липовые, а? Думаешь выпившему человѣку все подсунуть можно? Знаки-то гдѣ?

Фома посмотрѣлъ на свѣтъ, повертѣлъ въ рукѣ, потомъ опять посмотрѣлъ.

— Ну? — съ удивленіемъ сказалъ Фома. — Это кто жъ тамъ такое есть? Изображенъ-то... Не мужикъ-ли? Мужикъ. Ей-Богу, мужикъ. Ну? Не врутъ, значитъ, люди.. Мужикъ изображенъ на деньгахъ-то. Неужели же не врутъ? Неужели же мужикъ дѣйствительно въ силѣ?

Фома снова подошелъ къ прилавку.

— Дядя, — сказалъ Фома, — изображенъ - то кто, я спрашиваю. Извини за слова...

— Уходи, уходи! — сказалъ кассиръ. — Получилъ деньги и уходи къ лѣшему... Гдѣ изображенъ?

— Да на деньгахъ-то?

Кассиръ посмотрѣлъ однимъ глазомъ на мужика и сказалъ усмѣхаясь:

— Ты изображенъ, ваше величе-

ство, заместъ царя. Мужикъ изображенъ, понялъ?

— Ну? — робѣя сказалъ Фома. — — Мужикъ? А какъ же это я, дядя, ничего не знаю и ничего не вѣдаю. И землю, скажемъ, пахаю. Какъ же это? И всѣ у насъ пахаютъ и не вѣдаютъ.

Кассиръ засмѣялся.

— Ей-Богу, — сказалъ Фома, — всѣ пахаютъ. Да, дѣйствительно, подтверждаютъ люди — дѣятели, говорятъ, теперь крестьянскіе. И крестьянство, между тѣмъ, въ почетѣ. А какъ это на дѣлѣ, вѣрно ли это или врутъ люди — неизвѣстно. Но если на деньгахъ, скажемъ, портреты, тогда... Неужели же не врутъ?

— Ну уходи, уходи, — сказалъ кассиръ, — не путайся тутъ.

— Сейчасъ, сказалъ Фома. — Сейчасъ, деньги только уберу. Съ портретомъ, хм... А я, дядя, имѣй въ виду, царей этихъ и раньше сильно не любилъ. Ей-Богу.

Фома съ огорченіемъ посмотрѣлъ на скучнаго кассира и вышелъ.

Отвязалъ Фома лошадь, сѣлъ въ телѣгу, снова посмотрѣлъ на деньги и поѣхалъ.

— Скажи, пожалуйста, — думалъ Фома, хохоча и хлопая себя по ко-

лѣнкамъ, — портреты выводятъ. Или врутъ? Неужели же мужику царскій почетъ?

Фома Крюковъ погналъ лошадей, но у лѣса повернулъ вдругъ назадъ и поѣхалъ въ городъ.

Остановился у вокзала. Привязалъ лошадь къ тумбѣ, закурилъ и медленнымъ шагомъ пошелъ къ полотну.

У полотна, съ крестьянскихъ подводъ мужики разгружали хлѣбъ. Кряхтя и вдругъ присѣдая, взваливали мужики на спины мѣшки и волокли къ вагонамъ. Фома остановился и сталъ смотрѣть.

— Ровнѣй неси, лѣшай, — крикнулъ Фома. — Не сыпь зерна...

Грузчикъ съ недоумѣніемъ оглянулся на Фому и пошелъ дальше, разсыпая зерно.

Фома вошелъ въ помѣщеніе, купилъ на двѣ копѣйки сѣмечекъ и хотѣлъ присѣсть на скамью. Но скамья была занята. Какой-то человѣкъ въ мягкой шляпѣ спалъ на скамьѣ, положивъ подъ голову мѣшокъ.

Фома присѣлъ на окно, но, посидѣвъ минуту, подошелъ къ спящему и вдругъ крикнулъ:

— Эй, шляпа, слазь со скамьи! Мнѣ сѣсть надо.

Человѣкъ въ шляпѣ раскрылъ глаза, оторопѣло посмотрѣлъ на Фому и сѣлъ. И, зѣвая и сплевывая, сталъ свертывать папироску.

Фома присѣлъ рядомъ, отодвинулъ мѣшокъ и сталъ со вкусомъ жевать сѣмечки, сплевывая шелуху на полъ.

— Не врутъ, — думалъ Фома. — Почетъ все-таки замѣтный. Слушаютъ. Даромъ что выпивши. Пугаются черти. Ишь ты какъ все случилось, незамѣтно приключилось... Скажи на милость — не врутъ...

Фома всталъ со скамьи и съ удовольствіемъ прошелся по залу. Потомъ подошелъ къ кассѣ и заглянулъ въ окошечко.

— Куда — спросилъ кассиръ.

— Чего куда? — удивился Фома.

— Куда билетъ-то?

— А никуда, — сказалъ Фома, разглядывая помѣщеніе кассы. — Могу я посмотрѣть внутрѣ кассу, ай нѣтъ?

— А никуда, — сказалъ сердито кассиръ, — такъ нечего и рыло зря пялить.

— Какое рыло? — обиженно сказалъ Фома. — Кому говоришь-то?

— Ишь, пьяная морда! — разсердился кассиръ. — Тоже въ окно глядитъ... Чортъ сѣрый...

Фома нагнулся къ окошечку и вдругъ плюнулъ въ кассира. И быстро пошелъ къ выходу.

Фому схватили, когда онъ отвязывалъ лошадь. Фома вырывался, кричалъ, пытался даже укусить сторожа за щеку, но его неумолимо волокли къ дежурному агенту.

Тамъ, слегка успокоившись, Фома пытался что-то объяснить, размахивая руками, вытаскивалъ деньги и предлагалъ агенту взглянуть на нихъ.

Но Фому слушали плохо. Агентъ ежесекундно макая перо въ пузы г рекъ, писалъ протоколъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ кассира при исполненіи служебныхъ обязанностей. И еще о томъ, что Фома ѣлъ въ помѣщеніи сѣмечки и плевалъ на полъ.

Человѣкъ въ мягкой шляпѣ просилъ добавить въ протоколъ, что Фома выбилъ его съ мѣста и сѣлъ будто на мѣшокъ, но агентъ нашелъ это мелкимъ фактомъ и оставилъ безъ послѣдствія.

Фома, протрезвѣвъ окончательно, поставилъ подъ протоколомъ крестикъ, и, вздыхая, вышелъ изъ помѣщенія.

Отвязалъ лошадь, сѣлъ въ телѣгу, досталъ изъ шапки деньги, посмо-

трѣлъ на нихъ. Потомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Врутъ, черти.

И погналъ лошадь къ дому.

---

## РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ СЕМЕНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВЪ АРИСТОКРАТКУ ВЛЮБИЛСЯ.

Я, братцы мои, не люблю бабъ, которыя въ шляпкахъ. Ежели баба въ шляпкѣ, ежели чулочки на ней фельдикосовыя, или мопсикъ у ней на рукахъ, или зубъ золотой, то такая аристократка мнѣ и не баба вовсе, а гладкое мѣсто.

А въ свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулялъ съ ней и въ театръ водилъ. Въ театрѣ-то все и вышло. Въ театрѣ она и развернула свою идеологію во всемъ объемѣ.

А встрѣтился я съ ей во дворѣ дома. На собраніи. Гляжу, стоитъ этакая фря. Чулочки на ней, зубъ золоченый.

— Откуда, — говорю, — ты, гражданка? Изъ какого номера?

Я, — говоритъ, — изъ седьмого.

— Пожалуйста, — говорю, — живите.

И сразу какъ-то она мнѣ ужасно понравилась. Зачастилъ я къ ней. Въ седьмой номеръ. Бывало, приду, какъ лицо офиціальное. Дескать, какъ у васъ, гражданка, въ смыслѣ

порчи водопровода и уборной? Дѣйствуетъ?

— Да, — отвѣчаетъ, — дѣйствуетъ .

И сама кутается въ байковый платокъ и ни муръ-муръ больше. Только глазами стрижетъ. И зубъ во ртѣ блеститъ. Походилъ я къ ней мѣсяцъ — привыкла. Стала подробнѣй отвѣчать. Дескать, дѣйствуетъ водопроводъ, спасибо вамъ, Семенъ Семеновичъ.

Дальше — больше, стали мы съ ней по улицамъ гулять. Выйдемъ на улицу, а она велитъ себя подъ руку принять. Приму ее подъ руку и волочусь, что щука. И чего сказать — не знаю и передъ народомъ совѣстно.

Ну, а разъ она мнѣ и говоритъ:

— Что вы, — говоритъ, — Семенъ Семеновичъ, меня все по улицамъ водите? Ажъ голова закружилась. Вы бы, говоритъ, какъ кавалеръ и у власти, сводили бы меня, напримѣръ, въ театръ.

— Можно, — говорю.

И какъ разъ на другой день прислала комячейка билеты въ оперу. Одинъ билетъ я получилъ, а другой мнѣ Васька-слесарь пожертвовалъ.

На билеты я не посмотрѣлъ, а они

разные. Который мой — внизу сидѣть, а который Васькинъ — ажъ на самой галерейкѣ.

Вотъ мы и пошли. Сѣли въ театръ. Она сѣла на мой билетъ, я на Васькинъ. Сижу на верхотурѣ и ни хрѣна не вижу. А ежели нагнуться черезъ барьеръ, то ее вижу. Хотя плохо.

Поскучалъ я, поскучалъ, внизъ пошелъ. Гляжу — антрактъ. А она въ антрактѣ ходитъ.

— Здравствуйте, — говорю.

— Здравствуйте.

— Интересно, — говорю, — дѣйствуетъ ли тутъ водопроводъ?

— Не знаю, говоритъ.

И сама въ буфетъ претъ. Я за ней. Ходитъ она по буфету и на стойку смотритъ. А на стойкѣ блюдо. На блюдѣ пирожныя.

А я этакимъ гусемъ, этакимъ буржуемъ нерѣзаннымъ, вьюсь вокругъ ея и предлагаю:

— Ежели, — говорю, — вамъ охота скушать одно пирожное, то не стѣсняйтесь. Я заплачу.

— Мерси, — говоритъ.

И вдругъ подходитъ развратной походкой къ блюду и цопъ съ кремомъ и жретъ.

А денегъ у меня—котъ наплакалъ.

Самое большое что на три пирожныхъ. Она кушаетъ, а я съ безпокойствомъ по карманамъ шарю, смотрю рукой, сколько у меня денегъ. А денегъ съ гулькинъ носъ.

Съѣла она съ кремомъ, цопъ другое. Я ажъ крякнулъ. И молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалеръ, а не при деньгахъ.

Я хожу вокругъ ее, что пѣтухъ, а она хохочетъ и на комплименты напрашивается.

Я говорю:

— Не пора ли намъ въ театръ сѣсть? Звонили, можетъ быть.

А она говоритъ:

— Нѣтъ.

И беретъ третье.

Я говорю:

— На тощакъ-то не много ли? Можетъ вытошнить.

А она:

— Нѣтъ, говоритъ, — мы привыкшіе. И беретъ четвертое.

Тутъ ударила мнѣ кровь въ голову.

— Ложи, — говорю, — взадъ!

А она испужалась. Открыла ротъ. А во ртѣ зубъ блеститъ.

А мнѣ будто попала возжа подъ

хвостъ. Все равно, думаю, теперь съ ней не гулять.

— Ложи, — говорю, — къ чертовой матери!

Положила она назадъ. А я говорю хозяину:

— Сколько съ насъ за скушанныя три пирожныя?

А хозяинъ держится индефферентно — Ваньку валяетъ.

— Съ васъ, — говоритъ, за скушанныя четыре штуки столько-то.

— Какъ, — говорю, — за четыре? Когда четвертое въ блюдѣ находится.

— Нѣту, —отвѣчаетъ, — хотя оно и въ блюдѣ находится, но надкусъ на емъ сдѣланъ и пальцемъ смято.

— Какъ, — говорю, — надкусъ, помилуйте. Это ваши смѣшныя фантазіи.

А хозяинъ держится индефферентно — передъ рожей руками крутитъ.

— Ну, народъ, конечно, собрался. Эксперты. Одни говорятъ: надкусъ сдѣланъ, другіе — нѣту.

А я вывернулъ карманы — всякое, конечно, барахло на полъ вывалилось — народъ хохочетъ. А мнѣ не смѣшно. Я деньги считаю.

Сосчиталъ деньги — въ обрѣзъ за четыре штуки. Зря, мать честная, спорилъ.

Заплатилъ. Обращаюсь къ дамѣ:

— Докушивайте — говорю. — Заплачено.

А дама не двигается И конфузится докушивать.

А тутъ какой-то дядя ввязался

— Давай, — говоритъ, — я докушаю.

И докушалъ, сволочь. За мои то деньги. Сѣли мы въ театръ. Досмотрѣли оперу. И домой.

А дома она мнѣ и говоритъ:

— Довольно свинство съ вашей стороны. Которые безъ денегъ — не ѣздютъ съ дамами.

А я говорю:

— Не въ деньгахъ счастье, гражданка. Извините за выраженіе.

Такъ мы съ ней и разошлись.

Не нравятся мнѣ аристократки.

---

Содержаніе:

Imprimerie 32, rue Ménilmontant - Paris

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:
Книжный маг. «МОСКВА»
9, rue Dupuytren, PARIS.
Для Германіи:
Акц.-О-во «Москва».
Fremdsprachenbuchhand. Heinrich Sachs A.-G.
Berlin SW 48, Wilhelmstr. 20.